

ФОНВИЗИН И ВОЛКОВЫ

Знакомство Д. И. Фонвизина с «первым актером» российского театра Федором Григорьевичем Волковым состоялось зимой 1759/60 г. во время поездки лучших учеников гимназии Московского университета в Петербург.¹ Будущий драматург впервые тогда побывал на спектаклях профессионального театра и впоследствии вспоминал в «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях»: «Действия, произведенного во мне театром, почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров — великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие. Я с ума было сошел от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего, у которого я жил».² Важно, что знакомство произошло не в официальной, а домашней обстановке, в узком дружеском кругу. Уместно в этой связи вспомнить рассказ о Ф. Г. Волкове Н. И. Новикова в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772): «С первого взгляда казался он несколько суров и угрюм; но сие исчезало, когда находился он с хорошими своими приятелями, с которыми умел он обходиться и услаждать беседу разумными и острыми шутками. Жития был трезвого и строгой добродетели; друзей имел немногих, но наилучших, и сам был друг совершенный, великодушный, бескорыстный и любящий вспомоществовать».³ Так характеризовать Волкова мог человек, лично знавший его и, очевидно, входивший в число его «немногих друзей».⁴ Фонвизину во время первых встреч с Волковым было всего около 14 лет, а «первому актеру» — уже за 30. Едва ли поэтому именно эти встречи могли послужить основой для позднейшей характеристики Волкова, принадлежащей Фонвизину: «Муж глубокого разума, наполненного достоинствами,

¹ См.: *Пенчко Н. А.* Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1960. Т. 1. С. 157.

² *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 93. С полной определенностью нельзя сказать, о каком именно «дядюшке» говорит Фонвизин: в Петербурге в это время жили два родных брата его матери Екатерины Васильевны, урожденной Дмитриевой-Мамоновой, — Матвей Васильевич и Алексей Васильевич Дмитриевы-Мамоновы, а также двоюродный брат — Николай Алексеевич Дмитриев-Мамонов, которого писатель позднее неоднократно упоминал в своих письмах из Петербурга.

³ Цит. по: *Ефремов П. А.* Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867. С. 25.

⁴ В. Н. Всеволодский-Гернгросс полагает, что Новиков «лично Волкова не знал, но он пользовался указаниями современников Волкова, в особенности И. А. Дмитревского». — *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Ф. Г. Волков и русский театр его времени // Ф. Г. Волков и русский театр его времени: Сб. материалов. М., 1953. С. 10.

который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным».⁵ Как же возникла эта характеристика?

Можно полагать, что Фонвизин встречался с Волковым не только в Петербурге, но и позднее в Москве, в 1762—начале 1763 г. Готовя знаменитый маскарад «Торжествующая Минерва», проходивший в январе—феврале 1763 г., Волков должен был заблаговременно прибыть в Москву. Подготовка репертуара к этим торжествам началась после соответствующего указа Екатерины II от 10 июля 1762 г.⁶ Осенью 1762 г. Фонвизин оформлял свой переход из Московского университета в Коллегию иностранных дел, находясь еще в Москве. Его окончательный переезд в Петербург произошел, судя по письмам к родным, почти через год — в июле—самом начале августа 1763 г. Правда, в самом конце 1762—начале 1763 г. он был послан за границу с первым дипломатическим поручением: 29 декабря 1762 г. он был в Митаве, 12—14 января 1763 г. — в Гамбурге.⁷ Возможно, что по возвращении в Москву он успел увидеть маскарад, проходивший по улицам города 30 января, 1 и 2 февраля. Не исключено также, что Фонвизин имел возможность общаться с Волковым и после маскарада (Волков скончался в Москве 5 апреля 1763 г.).

В отзыве Фонвизина о Волкове обращает на себя внимание то, что речь идет не столько о его актерском даровании, сколько о его талантах политика. При этом можно заметить удивительную близость, почти дословные совпадения в характеристике Фонвизина и статье Новикова, в которой говорится: «Сей муж был великого, обымчивого и проницательного разума, основательного и здравого суждения и редких дарований, украшенных многим учением и прилежным чтением наилучших книг».⁸ «Опыт исторического словаря о российских писателях», изданный Новиковым в 1772 г., Фонвизин, конечно, знал и мог даже использовать текст Новикова, работая над «Чистосердечным признанием» в начале 1790-х годов. Повторяя похвалу «великому разуму» (у Фонвизина — «глубокий разум») Волкова, Фонвизин конкретизирует эту характеристику: «...мог бы быть человеком государственным». «Чистосердечное признание» в отличие от «Опыта» Новикова не предназначалось для печати (во всяком случае, при жизни автора). Поэтому Фонвизин с большей откровенностью мог говорить о вещах, касавшихся политики и достаточно хорошо известных современникам. Речь шла о непосредственном участии Волкова в дворцовом перевороте, возведшем на престол Екатерину II. П. А. Вяземский даже передавал анекдот о том, что ко времени переворота не успели подготовить манифест о воца-

⁵ Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 93.

⁶ Ф. Г. Волков и русский театр его времени. С. 149.

⁷ Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 317.

⁸ Ефремов П. А. Материалы для истории русской литературы. С. 24.

рении императрицы и Волков якобы импровизировал чтение манифеста по чистому листу бумаги.⁹ Документальных свидетельств, подтверждающих это предание, не обнаружено. Однако участие Федора Волкова и его брата Григория в июньских событиях 1762 г. известно. Они были названы в числе сорока лиц, которые «по ревности, для поспешания народного, побудили самым делом ея величества сердце милосердное к скорейшему принятию престола российского и к спасению таким образом нашего отечества от угрожавших оному бедствий».¹⁰ Волковым было даровано дворянское достоинство и деревни с крестьянами. Хотя в документах это дело числится как «не решенное»,¹¹ Федор Волков отныне стал именоваться «дворянином». Документы, обнаруженные Л. М. Стариковой, свидетельствуют о том, что Федору и Григорию Волковым было пожаловано по 300 душ крестьян и по 10 тысяч рублей.¹² В материалах Сенатского архива за 1765 г. есть сведения о пожаловании денег лицам, находившимся при государыне в день восшествия на престол, в том числе и Григорию Волкову — 4 тысячи рублей «зачесть в имеющийся на нем по банку долг».¹³ (Федора Волкова в это время уже не было в живых).

Рассказывая об участии Волковых в событиях 1762 г., мемуарист Александр Михайлович Тургенев писал: «При Екатерине первый секретный, не многим известный деловой человек был актер Федор Волков, может быть, первый основатель всего величия императрицы. Он во время переворота при восшествии ее на трон действовал умом; прочие, как-то главные Орловы, кн. Барятинский, Теплов, действовали физическою силою (...) Екатерина, воцарившись, предложила Федору Григорьевичу Волкову быть кабинет-министром ее, возлагала на него орден св. Андрея Первозванного». Однако, продолжает А. М. Тургенев, «Волков от всего отказался и просил государыню обеспечить его жизнь в том, чтобы ему не нужно было заботиться об обеде, одежде, найме квартиры, когда нужно, чтобы давали ему экипаж. Государыня повелела нанять Волкову дом, снабжать его бельем и платьем, как он прикажет, отпускать ему кушанье, вина и все прочие к тому принадлежности от двора, с ее кухни и точно все такое, что подают на стол ее величеству, экипаж, какой ему заблагорассудится потребовать».¹⁴ Далее мемуарист сообщает еще несколько интересных деталей: «...всегда имел он доступ в кабинет к госуда-

⁹ Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1963. С. 275.

¹⁰ Русский архив. 1864. С. 200.

¹¹ Горбунов И. Ф. Сочинения. СПб., 1910. Т. 3, ч. 5. С. 19.

¹² Старикова Л. Снова о Федоре Волкове: Легенды и факты // Театр. 1989. № 2. С. 76—88.

¹³ Сенатский архив. СПб., 1913. Т. 15. С. 513.

¹⁴ Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1887. Т. 53. С. 83—84.

рыне без доклада, никогда более не приказывал подавать обеда себе, как на 3 человека: у него было два друга, с которыми почти всякий день обедал. Редко требовал для себя экипаж и не чаще бирал и не иначе, как из собственных рук императрицы и никогда более 10 имперялов».¹⁵

Рассказ А. М. Тургенева — если даже принять во внимание известную субъективность любого мемуарного свидетельства — характеризует Федора Волкова как человека, дорожающего своей независимостью, умеющего противостоять соблазнам, обладающего чувством собственного достоинства. Важно также, что в рассказе подтверждается свидетельство Новикова об очень узком дружеском круге Волкова.

По другому свидетельству — С. Серебrenикова, опиравшегося на рассказы старожилов, императрица жаловала Волкова дворянским достоинством и отчиною, но он отказался и просил «удостоить этою наградою женатого брата его Гаврила», а ему остаться в том же звании и состоянии.¹⁶ Гаврила был третьим по старшинству братом в семье Волковых, младше Федора на четыре года и на три года старше Григория,¹⁷ упоминаемого среди пособников Екатерины II. Еще в Ярославле Гаврила участвовал вместе с Федором и Григорием в театральных представлениях. Он оказался в числе тех актеров, которых в 1752 г. вызвали в Петербург и «объявили» при дворе. Однако его в Петербурге не оставили, и он вернулся в Ярославль, где, может быть, продолжал еще заниматься театром.¹⁸ Известно также, что какое-то время Гаврила Волков находился в Москве, а затем снова приехал в Петербург и стал играть в придворном театре. Его имя встречается среди исполнителей пьес в 1763—1765 гг. Так, 9 декабря 1763 г. он играл Демофона в пьесе Ж.-Ф. Реньяра «Менехмы, или Близнецы», переведенной В. И. Лукиным; 19 января 1765 г. — купца Правдолюбова в пьесе Лукина «Мот, любовь исправленный» и Прямикова в тогда же поставленной пьесе Лукина «Пустомеля». Положительный отзыв об его игре содержится в предисловии Лукина к пьесе «Мот, любовь исправленный»: «...г. актрисы и г. актеры, а более игравшие купцов по естественному подлинникам своим подражанию, похвалу заслуживают, и всякой с своей стороны сделал вспоможение сочинителю в приобретенной похвале, которую они с ним разделяли».¹⁹

Пьесу «Менехмы, или Близнецы» с участием Гаврилы Волкова Фонвизин видел, о чем свидетельствует его письмо к

¹⁵ Там же. С. 84.

¹⁶ *Серебrenиков С. Ф. Г. Волков, первый основатель народного русского театра в Ярославле* // Ярославский литературный сборник 1850 года. Ярославль, 1851. С. 121.

¹⁷ См.: *Старикова Л.* Снова о Федоре Волкове. С. 78.

¹⁸ См.: *Ф. Г. Волков и русский театр его времени.* С. 85—88.

¹⁹ Сочинения и переводы Владимира Лукина. СПб., 1765. Ч. 1. С. XXVII—XXVIII.

сестре Ф. И. Фонвизиной от 14 декабря 1763 г.: «Во вторник в 5 часов прислал по меня И. П. (Елагин. — Н. К.) курьера, и так я у него пробыл весь день за делом. Оттуда проехали в русскую комедию, а из комедии был у Рубановского».²⁰ 14 декабря 1763 г. было воскресенье, соответственно, вторник — 9 декабря, когда и ставилась пьеса «Менехмы» — русская комедия, т. е. на русском языке. Хотя в 1765 г. Фонвизин ездил в Москву, где пробыл достаточно долго, он, очевидно, еще не раз посещал спектакли, в которых играл Гаврила Волков, числившийся в штате русской придворной труппы в 1767 г. Упоминалось, в частности, что он играл роли «степенных стариков» в трагедиях и комедиях и получал 400 рублей жалованья в год.²¹

Итак, 1763—1767 годы — годы службы Фонвизина у И. П. Елагина и одновременно живейшего участия драматурга в театральной жизни Петербурга. Зная о тесной дружбе Фонвизина с И. А. Дмитриевским, нетрудно представить, как много писатель общался и с другими актерами придворной труппы и, конечно, с братом прославленного Федора Волкова. Именно от Гаврилы Волкова драматург мог узнать подробности об участии его братьев в дворцовом перевороте.

Многие из тех, кто тогда содействовал воцарению Екатерины II, к концу 1760-х—началу 1770-х годов были горько разочарованы ее политикой. Группировка Паниных, в которую непосредственно входил и Фонвизин, связывала теперь надежды с наследником престола Павлом Петровичем, воспитанником Н. И. Панина. Своего рода политическим документом явилось и написанное Фонвизиним в 1771 г. «Слово на выздоровление его императорского высочества государя цесаревича и великого князя Павла Петровича», напечатанное в Петербурге отдельным изданием. О возможной смерти Павла говорилось здесь как о «гибели отечества»; с выздоровлением наследника появляется надежда на спасение страны: «Наконец, о радость неизреченная! О счастье, избавившее россиян от погибели! Наконец прошла безвредно туча, гремевшая над нами».²² Несмотря на необходимые похвалы в адрес Екатерины II, «великой и в самой печали своей», Фонвизин совершенно недвусмысленно высказал здесь свои политические симпатии. Произведение сразу же привлекло к себе внимание свободомыслящих людей: в 1772 г. Н. И. Новиков перепечатал «Слово» Фонвизина в своем журнале «Живописец» (ч. 2).

В Отделе редкой книги Библиотеки Российской академии наук хранится экземпляр отдельного издания «Слова» (шифр 30061д) с дарственной надписью: «Гавриле Григорьевичу Вол-

²⁰ Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 327.

²¹ Греч Н. И. Исторический взгляд на русский театр до начала XIX столетия // Русская Талия. 1825. С. 28.

²² Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 191.

С Л О В О

ИЛИ

В Ы З Д О Р О В Л Е Н І Е

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА

И

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

Въ 1771 годѣ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Александръ Григорьевъ Родивъ

кову». К сожалению, лист срезан — дата и подпись, если они были, безвозвратно исчезли. Тем не менее сопоставление с почерком Фонвизина позволяет со значительной степенью уверенности заключить, что это автограф. В таком случае эта краткая надпись — небольшое, но чрезвычайно ценное звено в истории взаимоотношений Фонвизина с замечательной семьей русских актеров Волковых.

С Л О В О

НА

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА

И

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

Въ 1771 годѣ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Ташевъ Пётръ Павловичъ